Автор: admin
10.12.2010 14:07 -

Интровертированные личности

Интровертированная личность живет не столько своими восприятиями и ощущениями, сколько своими представлениями. Поэтому внешние события как таковые влияют на жизнь такого человека относительно мало, гораздо важнее то, что он о них думает. В большинстве случаев интровертированный человек приходит к объективно правильным умозаключениям: он не связан впечатлениями момента, он учитывает то, что ему подсказывают его прежние представления, его жизненный опыт. Известная степень интровертированности вырабатывает способность к правильным суждениям. Но если данная акцентуация сильно выражена, то личность все более отдаляется от действительности и в конечном итоге настолько погружается в мир своих представлений, что объективно принимает в расчет воспринимаемое все меньше. В силу этого идеи не подвергаются достаточной коррекции, в результате они могут формироваться, расширяться и приобретать субъективную значимость, у которой отсутствует всякая объективная подоплека. Таким образом, в то время как разумная степень интровертированности способствует выработке самостоятельного суждения, сильно интровертированная личность живет большей частью в мире нереальных идей.

Куда именно заводят подобные идеи интровертированного человека, в какой степени идеи теряют связь с действительностью, - зависит от интеллекта. Однако преобладание "внутренней жизни" распознается во всех случаях. Профессиональная деятельность интровертированного работника, например, постоянно сопровождается размышлениями, он вводит всякие усовершенствования, которые представляются ему целесообразными, хотя на самом деле это может быть и не так. В свободное время он ищет для себя занятий, которые будят мысль. Содержание книг он воспринимает не пассивно, а создает о них собственное мнение. Он подбирает для себя такую литературу, которая дает ему возможность углубиться в ту или иную область. Если интровертированные люди имеют любимое занятие, увлечение, то оно поддерживается постоянным внутренним интересом, это не может быть, например, механическое накопление экспонатов для коллекции. Если они занимаются спортом, то также постоянно исходят из каких-то расчетов, взвешиваний, которые практически, возможно, значения и не имеют. Однако ощущение удовольствия, которое доставляет чисто физическая деятельность, лежит за пределами как экстравертированности, так и интровертированности личности.

Интровертированные личности нередко предпочитают другим играм шахматы, которые ставят перед партнерами большое количество умственных задач. Ручная работа (у тех, кто любит ею заниматься) связана у таких людей с оригинальными замыслами,

изобретениями. Немало интровертированных людей являются настоящими изобретателями, у других же дело не идет дальше пустых выдумок. Нередко эти личности носятся с идеями "исправления жизни на земле". Особенно их волнуют всякие загадки окружающего мира и трудноразрешимые вопросы. Излюбленная пища для мышления - проблемы религии, политики, философии. По многим из этих проблем они способны выработать вполне обоснованное собственное суждение, в других случаях их позиция весьма далека от жизни, - ибо мало учитываются реальные факты.

Действия, поступки следуют за идеями отнюдь не обязательно или, во всяком случае, не сразу. С одной стороны, попытки действовать у интровертированных личностей неоднократно приводят к столкновению с действительностью, которая не принималась во внимание при созревании идеи, с другой стороны, сильная сосредоточенность на идеях не располагает к конкретной деятельности и даже чужда ей. Действия людей в норме всегда направлены на объект. Если этот объект все время находится в центре внимания, как это бывает у экстравертированных личностей, то он становится стимулом к началу действий, если же внимание больше направлено на внутренние процессы, то начало действий затягивается. В последнем случае то побуждение, которое исходит от объекта, слабеет, теряет эффективность. Таким путем возникает связь между подчеркнутой склонностью к раздумьям и слабой готовностью к поступкам. Интровертированные люди, как правило, медлительны и нерешительны в поступках. Само собой разумеется, что такую медлительность могут обусловливать и другие факторы, например, определенные черты темперамента, которые подталкивают или сдерживают включение в активные действия.

Ярко выраженная интровертированность ведет к изоляции личности от других людей, которые не в состоянии понять ее подчас чудаковатых идей. С другой стороны, связи с людьми могут быть слабыми также из-за первичной слабости контактов. Дифференцировать первый и второй случаи не так уж сложно, нужно только внимательнее понаблюдать за этими "одиночками". В первом случае мы обнаруживаем наличие у обследуемого странных, необычных идей, во втором общение затруднено даже тогда, когда оно касается обыденных бытовых тем. Во втором случае особенно бросается в глаза бедность мимики, застывшее выражение лица и отсутствие модуляции голоса. Если человек, несмотря на явную интровертированность личности, обладает хорошей способностью контактирования, он сам будет искать общения, но ему постоянно будет трудно найти отклик на свои идеи, понимание их. Однако стоит интровертированному человеку установить контакт, как он будет искренне рад общению с понимающим его партнером, между ними установятся теплые отношения.

Некоторые из наблюдаемых нами интровертированных людей в прошлом перенесли невроз или психоз. Оценка их состояния складывалась из собственных рассказов

обследуемых и описаний их родных.

Мне представляется, что мы, безусловно, имеем право привлекать для характеристики интровертированных личностей обследуемых, перенесших психоз, из следующих соображений: 1) не всегда эти лица болели шизофренией, иногда это был фазовый психоз; 2) мы имеем в виду исключительно поведение данных лиц уже после перенесенного психоза. Известно, что шизофреники нередко с юности, за много лет до начала заболевания, являются интровертированными личностями. Наиболее яркие случаи интровертированности я наблюдал в поведении шизофреников до заболевания и, насколько это было возможно, уже во время ее течения. Каково конкретное соотношение между данной особенностью личности и шизофренией, - пока неизвестно. Я склонен думать, что, по сути, здесь нет ничего общего. Просто интровертированные люди более восприимчивы к этому заболеванию, чем другие, поэтому у них процесс носит более ярко выраженный характер, так же как, например, некоторые особенности конституции человека явно способствуют заболеванию туберкулезом. Замечу, что особого различия между интровертированными здоровыми людьми и интровертированными людьми, перенесшими психоз, я не замечал. Возможно и такое положение, когда "готовности" к шизофрении способствует не столько интровертированность, сколько затруднение в контактах с людьми, а также оба фактора, вместе взятые. Этим вопросом детально занималась Торсторф.

Ниже приводится описание интровертированного человека, для которого характерна способность легко контактировать с окружающими.

Мартин Ш., 1925 г. рожд., управдом. Ребенком был скромен, робок с малознакомыми лицами, однако с друзьями, которых было у него немало, жаждал "задавать тон". Подростком в школе любил ставить в тупик учителей вопросами, что приводило в восторг его соучеников. В 12 лет Ш. был направлен на несколько месяцев в санаторий. Здесь приходилось постоянно находиться среди многих мальчиков, что раздражало Ш.: он хотел контактировать лишь с небольшим количеством избранных им товарищей. Кроме того, он стеснялся вместе с другими принимать душ. К счастью, один из воспитателей его хорошо понимал и взял под свое покровительство. Во время войны Ш. постоянно искал пути, как бы не попасть на передовую. Затем - пребывание плену. Его очень отталкивали разговоры пленных на сексуальные темы. Много играл в шахматы. Образование Ш. закончил лишь после войны.

В области эротики у Ш. были особые взгляды. В 17-летнем возрасте он выбрал себе девушку, соответствовавшую его тогдашним представлениям об идеальной жене. Он

посещал ее родителей, но физического сближения с девушкой не искал. После освобождения из плена Ш. отыскал эту девушку. Однако она почувствовала, что у него к ней какое-то рационалистическое отношение, что он вернулся к ней "из принципа", и отказала ему. Вскоре после этого Ш. женился на другой, но развелся с ней: она ему изменила. По его словам, у них не было общих интересов, а главное - жена не понимала его идей.

Своеобразной чертой Ш. было то, что, избегая общества, он в то же время не хотел быть один, страдал от того, что не с кем поделиться, что его считают "одиночкой". Это объяснялось тем, что почти никто не понимал его личных взглядов и идей. Еще в школьные годы он глубоко задумывался над философскими вопросами, которыми и ставил в тупик учителей. Он очень любил анализировать поступки людей, чтобы понять их характер, делал попытки разобраться даже в психологии и характере животных. Ш. интересовали также вопросы жизни и смерти. В 17 лет он прочитал много книг по биологии, чтобы приблизиться к загадке жизни, подолгу размышлял по поводу прочитанного. В плане социальном он создал свое собственное "учение", установив, что и как следует изменить в существующем общественном порядке. Прежде всего, он предлагал компромисс между капитализмом и коммунизмом, затем - отмену всех государств, переход всех народов на один общий язык. Позднее он серьезно изучал буддизм, в котором видел наиболее совершенную религию. Христианство он считал своего рода бизнесом, так как оно обещает награду "за хорошее поведение", буддизм же основан на чистом стремлении к совершенству, без всяких наград. Он не соглашался ни с одним политическим направлением, противопоставляя им собственные теории. Ш. дружил с людьми, отстаивавшими политические взгляды, в корне несходные с его собственными, спорил с ними, но дело никогда не доходило до возмущения, ссоры.

Во время наших бесед Ш. был приветлив, охотно отвечал на вопросы, излагал свои взгляды всегда вдумчиво, тщательно подбирая выражения. В общем, был вполне контактен.

Не подлежит сомнению, что Ш. - личность интровертированная. Он с детства склонен к созданию различных теорий и идей, довольно далеких от действительности. В то же время он постоянно ищет интеллектуального общения с людьми. В любой среде он находит одного-двух друзей, с которыми делится своими мыслями. Его считают "одиночкой", индивидуалистом не потому, что он с трудом вступает в контакт с окружающими, а потому, что людям трудно проникнуть в суть его идей, его внутренний мир для окружающих был обычно непонятен, чужд. О конфликте между идеями и действительностью свидетельствует его фиаско с избранным им "женским идеалом.". Ориентированный отвлеченно на данный "идеал", он забыл о горячем, искреннем чувстве. Пытаясь со временем "из принципа" приблизиться к избранной им девушке, он

натолкнулся на ее естественный протест против такого схематического решения личных вопросов. Все "принципы" Ш. смела новая страстная любовь, но финал "любви" оказался плачевным. Итак, перед нами личность, склонная к интровертированности, идущая по индивидуалистическому пути, хотя стремление к человеческим контактам здесь налицо.

Явная интровертированность бросается в глаза и в тех случаях, когда жажда общения особенно подчеркнута благодаря гипоманиакальному темпераменту.

Эвальд К., 1908 г. рожд., парикмахер. В школе учился хорошо. Всегда чувствовал желание обучаться музыке, но финансовое положение семьи не позволило этого. Как парикмахера его ценили, но ему самому эта работа через несколько лет наскучила. Он хотел испытать "что-нибудь новенькое", сменил несколько профессий, затем стал работать на почтовой автомашине. По этой специальности был мобилизован и работал всю войну. После войны снова стал парикмахером. Женился. Поздняя женитьба объясняется постоянными колебаниями в выборе будущей жены.

К. был человеком веселым, живым, в обществе всегда играл роль "верховода". Часто развлекал собравшихся имитированием популярных эстрадных артистов. Разговорчивость была очень кстати в его профессии, с каждым клиентом он сразу нащупывал тему для общения. К. охотно музицировал и когда бывал один, и в обществе. Он играл на цитре - вальсы, народные песни. Во время бесед с нами К. был всегда в хорошем настроении, разговорчив, часто отклонялся от темы.

Однако К. любил побыть и один. В такие часы он много размышлял, много читал, преимущественно книги по технике и по физике, где больше всего интересовался различными физическими закономерностями. Часто читал и фантастические романы. Увлекался астрономией, жизнью звезд, думал о том, что на них происходит, населены ли они разумными существами, попадут ли на них когда-нибудь земляне. Пытался определить место человеческого индивидуума по отношению ко вселенной: человек живет до 90 лет, а ведь Земле уже миллионы лет! Он прослушал множество докладов по астрономии, записался в астрономический кружок. С астрономией связывались и его мысли о религии. Ручных работ К. не любил, но он выращивал цветы, пользуясь справочной литературой. Охотно решал кроссворды.

Перед нами достаточно выраженный гипоманиакальный тип - общительный,

жизнерадостный человек, умеющий организовать людей в обществе, на вечеринке. И все же его мысли обращены в основном не на внешнюю сторону жизни, его занимают различные проблемы. Часто он уносится в неведомые дали, отходя от насущных жизненных задач. Таким образом, гипоманиакальность, которая, как кажется на первый взгляд, порождает экстравертированность, отнюдь не препятствует интровертированному образу мыслей. Однако следует четко отличать случаи, когда человек обращен к внешним впечатлениям благодаря своему темпераменту, от тех случаев, когда это происходит в связи с экстравертированной акцентуацией, т.е. когда он живет только миром восприятий. Обе эти черты личности уживаются в одном человеке параллельно. То, что К. имел склонность с увлечением менять профессии, можно отнести за счет гипертимического темперамента, а его "переборчивость" в выборе невесты из-за неуверенности в правильности сделанного выбора была результатом интровертированной акцентуации.

Если интровертированность менее заметна при наличии хороших контактов с людьми или при гипертимическом темпераменте, то там, где контакты с окружающими слабые, она очень бросается в глаза.

Герхард Д., 1935 г. рожд., чертежник. С детства был тихим, замкнутым ребенком. В школе всегда проявлял себя старательным учеником, получал хорошие оценки. Без особого труда прошел курс в профессионально-техническом училище. Работал добросовестно. Свободное время у Д. было всегда поглощено его собственным внутренним миром. Он издавна много читал, мог ночами просиживать над книгами. Особенно интересовали его Ницше, Шопенгауэр и Гете. "Фауста" (1 часть) он знал наизусть. Увлекался астрономией, психологией. Обе эти науки занимаются "вечными вопросами" - о сущности вселенной и о смысле человеческой жизни. Некоторое время Д. пробовал свои силы в поэзии, но результатов так и не достиг. В соответствии с профессиональной направленностью Д. очень любит рисовать, старается постоянно совершенствоваться в черчении, рисовании. Всем играм он предпочитает шахматы: постоянно покупает литературу о партиях чемпионов мира, штудирует ее, анализирует, пытаясь установить, что именно привело противника чемпиона к поражению. Иногда Д. играет со своим братом, но чаще сам с собою.

Своими удачами и невзгодами он делится в семье и больше фактически ни с кем не контактирует. Уже ребенком он сидел дома и читал, когда другие дети играли. В школе, правда, был какой-то мальчик, с которым Д. готовил уроки, но позже у него никогда не было друзей. В кино, в театр Д. всегда ходит один. Впечатлениями, порою критическими, он делится дома со своими родными. С девушками он никогда не контактировал: торможения Д. в основном и относились к женскому полу.

При обследовании перед нами предстал человек с весьма скупой мимикой, отвечавший на все вопросы с запинкой. По свидетельству родных, Д. всегда был крайне замкнут, трудно было понять, что у него происходит внутри. Сестра его выразилась о Д. так: "С ним не расчувствуешься".

В этом случае одновременно с интровертированностью наблюдается и крайняя скупость в контактах. Д. жил только в мире своих идей. В результате он все больше отдалялся от окружающих, у него не было ни эмоциональных проявлений, ни эмоциональных потребностей, ни друзей. Дома хотя он и делился с родными, между ними всегда словно стоял невидимый барьер.

Весьма характерная картина наблюдается при сочетании интровертированности с ананкастическими чертами характера. Множество мыслей, возникающих при интровертированной акцентуации, рождают проблемы, которые требуют ответа, решения. Если найти решение не удается, интровертированный человек смиряется с этим, нерешенные вопросы не становятся для него причиной постоянных терзаний. Иначе бывает в тех случаях, когда речь идет о личности педантической, о натуре, которая не может не довести дело до конца. Ананкаст не может отодвинуть от себя ни проблему, ни тягостную думу, он должен "до конца все взвесить", еще и еще раз пытаясь все понять. Освободиться от вопросов, на которых сконцентрировано его внимание, он неспособен. Он пробует отыскать ответ даже на те философские вопросы, которые пока еще не решены мировой наукой. В этих случаях мы сталкиваемся с картиной навязчивого мудрствования. Ниже мы приводим случай, где сочетаются одновременно черты интровертированности и педантичности.

Манфред С., 1937 г. рожд., слесарь. В детстве был всегда спокойным, уроки готовил на совесть, с тетрадями, учебниками обращался аккуратно, сразу же по окончании занятий садился готовиться "на завтра". Никогда не пропускал школьных занятий. Так же пунктуален до педантичности он был позднее и в работе. Навязчивыми мыслями страдал, еще будучи ребенком: то ему хотелось уколоть иглой незнакомого человека, то он еле сдерживался, чтобы не побить школьного врача, когда тот обследовал школьников. В дальнейшем он страдал агорафобией, боялся иногда пересекать площади, даже улицы.

С. всегда был "одиночкой". Хотя и было у него 2-3 товарища, но особенно он любил проводить время за разными ручными работами: смастерил возок для братика, вечно чинил свои велосипед, занимался старой радиоаппаратурой, хотел усовершенствовать радиоприемник. Однажды еще ребенком он попробовал устроить в комнате красивый

фонтан, используя для этого таз, и, конечно, все залил водой. Он вообще постоянно тянулся изобретать что-нибудь. Дома у себя он был "первым специалистом" по технике, исправлял электропроводку, пылесосы, миксеры. Всегда много читал (в основном техническую литературу), иногда до глубокой ночи. Он постоянно сомневался в правильности написанного, думал: "А не могу ли я внести в эту теорию что-нибудь новое?" Он мечтал о больших собственных изобретениях. Иногда появлялись и навязчивые мысли. Например, он долго раздумывал над вопросом о правильности гороскопа, хотя и знал, что верить ему бессмысленно. При чтении книг он часто задумывался над тем, прав ли автор в том или в другом, и вообще, "что он за человек, этот автор". Иногда им овладевало желание научно определить тип, структуру личности какого-либо человека, но иногда его занимали и бессмысленные вопросы, к примеру: куда идет сейчас этот прохожий? о чем он думает?

С. мало общался с людьми, но и не страдал от этого: слишком он был занят своими мыслями. В 20 лет он начал ухаживать за девушкой, но почти никуда не ходил с ней, за что она на него обижалась. Перед каждым поцелуем он усиленно размышлял. Полового сближения у них не произошло, так как С. проявил себя импотентом. Второй попытки он не стал и делать, а вместо этого изводил себя мыслями о причинах такой тягостной сексуальной аномалии. Девушка вскоре с ним рассталась.

Во время бесед с нами С. был словоохотлив, вежлив, охотно делился своими идеями. У нас установился хороший, непосредственный контакт с ним. Он прислушивался к нашим советам о том, как преодолеть трудности налаживания контактов с людьми, как бороться с тенденцией подпадать под власть навязчивых идей.

Перед нами человек ананкастического склада, с раннего возраста страдавший навязчивыми идеями и влечениями. Интровертированностью он, видимо, также отличался с раннего детства, ведь он издавна любил размышлять, его занимали мысли о прочитанном, возня с "техникой", а не игры с товарищами. Интерес к технике сохранился и позже, появилась масса книг по технике, много мыслей по этому поводу, надежда сделать свои изобретения, быть может, даже открытия. Даже в его ручных работах чувствовалась большая самостоятельность и стремление к оригинальности. Свою работу в училище на звание мастера он выполнил с отклонениями от тех стандартов, которым его обучали, внеся в нее свои собственные усовершенствования. Размышления часто переходили в навязчивые мысли. Он ставил перед собой вопросы заведомо неразрешимые, может быть, сам где-то сознавая, что ими заниматься бессмысленно.

Навязчивые идеи обусловлены, несомненно, обоими компонентами его личности. Благодаря интровертированности С. отличался изобилием мыслей и нескончаемыми вопросами. В силу же характерных черт ананкаста возникали навязчивые идеи. Избавиться от них обследуемый не мог, хотя разум и подсказывал ему, что эти мучительные вопросы неразрешимы.

Трудности общения с женщинами также связаны были с обоими компонентами структуры его личности: из-за интровертированности он вообще мало контактировал с людьми, характер ананкаста вызывал торможения, особенно в эротической области, т.е. там, где и у обычных натур бывает достаточно колебаний и нервозности.

Особенно любопытную картину дает сочетание интровертированности и застревающих черт характера. Можно было бы предположить, что у человека в таких случаях появляются предпосылки для развития "сверхценных идей"; при этом "сверхценность" коренится в паранойяльных чертах, "идеи" же исходят от интровертированности. Однако наш опыт, основывающийся на фактах, показывает, что такие проявления при данном сочетании не обязательны.

Вольф К., 1939 г. рожд., радиомеханик. В школе не отставал от сверстников. Участвовал во всех их проделках, а порой даже верховодил, почему и вступал в конфликты с учителями. Со времени наступления половой зрелости контактирует с соучениками гораздо меньше. На вечеринки не ходит, алкоголя не признает принципиально. Теперь он после занятий чаще всего остается дома, читает книги и предается философским раздумьям. Контакт с родителями тоже стал гораздо слабее, чем раньше, о волновавших его вопросах

К. говорит редко и с немногими. Конфликты с учителями бывают и теперь, но уже по другому поводу: он упорно отстаивает свое мнение. Он часто не соглашается с господствующей точкой зрения, особенно по политическим вопросам. Несмотря на это, его постоянно повышали по службе, так как К. обладает незаурядными способностями. И все же во время выпускных экзаменов он сорвался. Он не желал писать сочинение по немецкой литературе в духе общепринятой трактовки: "Если бы я стал излагать такие мысли, то они шли бы вразрез с моими убеждениями". Поэтому К. вообще не написал выпускного сочинения. С ним говорили, его убеждали, предлагали перенести срок написания экзаменационной работы - ничто не помогло. К., самый способный ученик в классе, в результате не получил аттестата зрелости. Он выучился на радиомеханика, стал работать. Впрочем, и на работе он нередко спорил с начальством. Однажды дело чуть не дошло до рукопашной. Родителям часто приходилось вмешиваться и "мирить"

его.

Призыв в армию К. воспринял более спокойно, чем ожидали родные. К. добросовестно выполнял служебные обязанности, но от товарищей по части держался в стороне и по поводу своих личных взглядов не высказывался. С женщинами в интимных отношениях не состоял. Одно время он был влюблен в девушку (на своем предприятии), однако так и не заметил, что она дружит с другим, пока не было объявлено о ее помолвке.

После работы он занимался собственными делами и никогда не скучал. Читал научные, технические книги, два научных журнала по своему профилю, которые систематически выписывал. С увлечением занимался различными ручными работами - строил усовершенствованные громкоговорители по своим схемам и т.д. К. охотно совершал длинные прогулки, учась при этом различать голоса птиц. Часто он делал магнитофонные записи птичьих голосов, а затем проигрывал их, находясь поблизости от птиц, чтобы приманить их и записать другие, новые голоса. Он постоянно читал книги по орнитологии. По-прежнему

К. интересовался вопросами политики, но с малознакомыми вообще никогда не говорил на эти темы, а с близкими - лишь намеками. Его мнения отличались своеобразием.

В начале наших бесед К. всегда был сдержан, но постепенно становился все приветливее, а под конец был даже рад возможности "выговориться" с людьми, которые его понимали. Несмотря на готовность включиться в разговор, он всегда немного колебался, прежде чем дать ответ: К. было неприятно "выпаливать" ответы, не продумав. Мимика его также была сдержанной, но при общем стиле поведения воспринималась как нечто естественное. В общем с К. нам всегда удавалось наладить "эмоциональный" контакт.

Паранойяльные склонности у К. вырисовывались уже в детстве, когда он бывал зачинщиком школьных шалостей. Позднее они ярко проявляются в его непримиримости, в упорстве. Наиболее выразительно эти качества проявились во время экзамена на аттестат зрелости, когда он оказался готовым пожертвовать будущим, лишь бы не писать сочинения, противоречившего его убеждениям. Интровертированность до полового созревания еще не удается констатировать, - ведь К. тогда среди других в этом плане ничем не выделялся. Следует подчеркнуть, что в то время как все черты темперамента или характера личности проявляются уже в детстве, с

интровертированностью это далеко не всегда так. Как уже говорилось выше, в период полового созревания у человека происходит переход от экстравертированности к интровертированности. Вероятно, во многих случаях речь идет о склонности, которая имелась и раньше, однако полностью проявилась лишь теперь. Но не исключено и другое положение: интровертированность возникает там, где в детстве не было и намека на нее. Мы полагаем, что у К. мы столкнулись именно с таким случаем. До периода полового созревания он был личностью экстравертированной, контактной, но после полового созревания стал интровертированным человеком. Он отдалился от людей, жил только своими интересами, обо всем имел свое индивидуальное, нестереотипное мнение, вследствие чего и превращался в одиночку.

Предположение, что сочетание застревающей и интровертированной сторон личности особенно благоприятствует паранойяльному развитию, у данного обследуемого не подтвердилось. Мы не наблюдали у него постоянного углубления аффекта с идеями нанесения ущерба в какой-то определенной области. Хотя идеи интровертированного человека и могут дать пищу для усиленных проявлений застревания, но это еще не значит, что эти идеи стимулируют развитие застревания. Опыт психиатров показывает, что паранойяльное развитие чаще всего встречается у гипертимических личностей, темпераментом значительно больше напоминающих экстравертированных людей.

Рассмотрим в качестве примера кверуляторный бред, который представляет собой наиболее частую форму паранойяльного развития. Несомненно, дело здесь связано с той самой активностью, которой не хватает интровертированной личности. Следовало бы провести специальное исследование, чтобы выяснить, как часто среди кверулянтов встречаются люди, у которых гипертимия сочетается с экстравертированностью.

Не исключено, что наличие интровертированности может "прикрываться" определенным темпераментом. Но активность при всех условиях остается решающим фактором; без активности не могут поддерживаться те постоянные колебания чувств, которые лежат в основе развития. Нам, например, не раз приходилось констатировать, что кверулянты "неисчерпаемы" именно благодаря своей гипертимической деловитости, создающей все новые конфликты. Описанного же обследуемого К. никак нельзя назвать "активным" человеком. Если при сдаче выпускных экзаменов он еще предстает перед нами борцом за свои убеждения, то позднее он уже совсем не пытался защищать идеи, хотя всегда был принципиальным и оставался при своем мнении.

Мы полагаем, что если разделить всех параноиков на скрытых и явных, то скрытые параноики, которые противостоят окружающей действительности, но не делают из

этого прямых выводов и не проявляют своей позиции в поступках, обладают изобретательской одаренностью, но довольствуются тем, что изобретают "для себя". Они могут сочетать в себе паранойяльность и интровертированность. У явных, открытых параноиков, такое сочетание невозможно.

Важную роль играет сочетание интровертированной и демонстративной акцентуации, так как оно стимулирует поэтическое дарование.

Маргит В., 1944 г. рожд., почтовый работник. В школе училась неровно; ее всегда очень стимулировали хорошие оценки, получив плохую, она сразу опускала руки. Иногда В. без причины пропускала школьные занятия. Соученики не любили ее, так как она постоянно и во всем стремилась играть первую роль. В 15 лет В. начала учиться в интернате. Обстановка в нем настолько ей не понравилась, что она через 4 недели убежала оттуда. Впрочем, в дальнейшем она чувствовала себя, как писала в дневнике, "и дома, как в тюрьме". В. начала вести дневник с 16 лет. У этого дневника был исключительно неаккуратный вид, масса зачеркнутых мест, записи разным почерком, с разным наклоном букв, с разным нажимом. В дневнике кроме описания событий дня имеются довольно высокомерные замечания о родителях, есть картинки настроений, несколько, правда, патетические, но впечатляющие.

Примерно в этот период В. начала писать стихи. Она очень любила музыку и хорошо играла на аккордеоне. Рисовала В. также неплохо. Подруг у нее почти не было, большую часть времени она проводила "с самой собой". В. долго не могла выбрать себе профессию. Вначале она работала помощником стоматолога, затем устроилась на почту. Она много раз меняла и место работы: успела поработать уже в нескольких поликлиниках и в нескольких почтовых отделениях.

В. меняла место работы, аргументируя это тем, что "здесь тяжело работать". В

22 года вышла замуж.

Контакт с мужчинами В. устанавливала без всякого труда. Могла бы выйти замуж и раньше, если бы замужество представляло для нее интерес. Она хорошо, с пользой для себя и с полным удовлетворением умела проводить время одна: интересовалась

педагогикой и психологией, читала книги по этим вопросам и серьезно задумывалась над их содержанием. Еще до этого увлекалась химией, говоря, что "в химических процессах чувствуется жизнь". Физика ей не импонировала, она считала ее "мертвой" наукой.

В. воспринимала все повышенно эмоционально. Некоторые фильмы ее очень волновали. По телевидению она предпочитала смотреть пьесы и телефильмы проблемные, ставящие перед зрителем всевозможные вопросы. По этим вопросам ока любила дискутировать с матерью, с мужем, нередко отстаивала свое, оригинальное мнение. Ее политические взгляды весьма резко отличались от взглядов ее среды, родителей. Ее коньком была тематика религиозного и философского порядка. Читая книги, она задавалась "проклятыми" вопросами - как образовался наш мир, наша планета, есть ли Бог - и способна была часами обсуждать их с близкими.

В. нравились и фильмы "о заморских странах". Ее живое воображение дорисовывало детали увиденного, она испытывала большое удовольствие. В. признавалась нам: "У меня фантазия на редкость богатая, фильмы словно внутри меня самой демонстрируются". Не только фильмы, а вообще разные жизненные события она часто переживала вторично - в своем воображении. С детства В. склонна была к снам наяву, к мечтаниям. Она представляла себе, что станет великим исследователем вечно актуальных вопросов жизни, что сделает важные открытия. Очень сожалела о том, что из ее исследовательской карьеры так ничего и не получилось. Впрочем, на неприятных и печальных мыслях В. задерживаться не любила, она умела "сбросить их с себя, как змеиную кожу".

В. никогда не испытывала скованности и при публичных выступлениях. Выступая с докладом или с небольшой речью, была спокойна, уверена в себе. Для нее не существовало "предстартовой лихорадки", при сдаче экзаменов она совсем не волновалась.

Контакт с В. во время бесед у нас наладился превосходный. Она нисколько не была скованной, говорила свободно, охотно давала ответы на вопросы. Мимика, жесты ее были оживленными, но иногда явно утрированными.

У этой обследуемой явственно распознаются черты демонстративной акцентуации. С детства она стремилась быть в центре внимания, стараясь в то же время избегать

неприятных переживаний, связанных со школой. Она сама говорит о способности "сбрасывать с себя" докучливые, тягостные мысли. В. обладает даром вытеснять из сознания вещи, которые заставляют ее нервничать, расстраиваться.

С такой же четкостью проявляется у В. интровертированность. В. не относится к жизни нейтрально-спокойно, все переживания ее глубоко затрагивают, она активно думает об увиденном и прочитанном, вступает в спор с собеседником. Хотя по образованию В. не имеет отношения ни к педагогике, ни к психологии, однако она проявляет интерес именно к этим областям, так как здесь много близких ей нерешенных проблем. Из тех же соображений она обращается к философии и религии.

Сочетание демонстративной акцентуации с интровертированностью лежит в основе склонности В. к снам наяву. Истерики вообще склонны к раскованному, образному мышлению. Если к этой склонности присоединяется интровертированность, то роль воображения, фантазии в жизневосприятии человека подчеркивается еще в большей мере. Все вместе взятое может оказаться почвой для развития поэтического дарования. Оно проявилось и у нашей обследуемой.

Я уже выделил в данной книге два типа акцентуации, которые способствуют развитию артистических данных у человека: это возбудимость эмоций у застревающих личностей и "демонстративная готовность" демонстративных личностей. Теперь к этим двум типам акцентуации я могу добавить в качестве фактора, стимулирующего творческую направленность личности, еще и третий тип: интровертированность. Выдвигаемый тезис не ограничивается одним лишь поэтическим даром, а в равной мере относится к изобразительным искусствам и созданию музыкальных произведений: для всех этих видов творчества фантазия и образное мышление являются насущной необходимостью.

Автор - Карл Леонгард "Акцентуированные личности"